

А. А. Попов

Нумизматические источники как отражение культуры эллинистической Бактрии

Статья посвящена нумизматике Греко-бактрийского царства (III–II вв. до н. э.). Эмиссии монет с портретами греко-бактрийских монархов – одни из ценнейших источников по изучению культуры этого государства. Они содержат значительную информацию, дополняющую документы (античные и восточные литературные памятники) и данные археологии. При помощи монет можно реконструировать религиозные представления жителей эллинского происхождения, их приверженность богам олимпийского пантеона и царскому культу, который был распространен в эту эпоху. Эти памятники позволяют осветить некоторые сюжеты, связанные с политической культурой. Например, коммеморативные эмиссии были способом пропаганды. Монеты – важнейший источник по изучению финансовой системы Греко-Бактрии. Изображения на монетах позволяют восстановить многие реалии военного дела, наглядно представить особенности вооружения греко-бактрийской армии. Особую культурную ценность представляют портреты и скульптурные изображения на греко-бактрийских монетах. Образы царей, с одной стороны, выглядят героизированными, с другой – имеют свои индивидуальные особенности, раскрывающие характер человека.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, Греко-Бактрия, индо-греческие царства, нумизматика, монеты.

Artem A. Popov

Numismatic sources as a reflection of the culture of the Hellenistic Bactria

The article is dedicated to the Greco-Bactrian kingdom's numismatics (III–II centuries BC). The coinage with portraits of the Greco-Bactrian monarchs is one of the important sources for learning culture of this state. It contains significant information, supplemented documents (Antique and Eastern literal works) and archeological data. These mints help to reconstruct religious ideas of the citizens of the Hellenic origin, their adherence to the Olympic pantheon's gods and the king's cult, which was popular during this epoch. Numismatic sources let to describe some chapters of political culture. For example, commemorative emissions were the propaganda instrument. Coins – the most major subject to research the Greco-Bactrian financial system. The images on these coins support to rebuild many of the realities of the military organization and to visualize the features of the Greco-Bactrian army. Portraits and sculptural images on the Greco-Bactrian coins have the special cultural value. The king's figures, from the one side, look like heroes, but, from the other side, have the individual characters of the person.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Greco-Bactria, Indo-Greek kingdoms, numismatics, coins.

DOI 10.30725/2619-0303-2019-3-98-103

Сегодня сложно переоценить актуальность тем, посвященных культуре Центральной Азии. События, происходящие в самом сердце Евразии, имеют значительные последствия в ее различных уголках. В этой связи изучение прошлого данного региона весьма важно для понимания настоящего.

На рубеже перехода от эпохи диадохов к периоду эллинизма претерпел серьезные метаморфозы. В середине III в. до н. э. мечты о сохранении единой империи Александра Великого окончательно канули в Лету. Дезинтеграция огромной македонской державы стала реальностью.

На фоне этого вновь созданные эллинистические государства, находившиеся под управлением потомков преемников и сподвижников прославленного македонского полководца, также становились ареной борьбы сепаратистки

настроенных окраин и столичной центральной власти. Не исключением стало и царство Селевкидов. Увлеченные борьбой за верховенство в Восточном Средиземноморье, ослабленные Сирийскими войнами с Птолемеями потомки диадоха Селевка Никатора не смогли удержать восточные провинции в своих руках. И, если Селевк I смог заключить сделку о передаче своих индийских владений Чандрагупте I, основателю местной династии Маурьев, то его потомки не смогли извлечь проицифит от потери богатейших территорий Ирана, Парфии и Бактрии с Согдианой. В западной части Ирана (Парфии) была утверждена власть кочевников, скифского племени парнов, а в восточной части Ирана (Бактрии и Согдиане) – воцарился грек Диодот.

Эти события середины III в. до н. э. фрагментарно отражены в античной литературе, в

монументальных трудах Помпея Трога (дошел до нас в переложении Юстина) и Страбона. При этом ученые Нового времени уже в XVIII в. имели в своем арсенале прекрасные экземпляры монетарного искусства Греко-Бактрии. Среди них был и первый российский ученый-гуманитарий, академик Российской академии наук Г. З. Байер. Он подготовил в Санкт-Петербурге накануне своей кончины исследование с принятым сегодня кратким названием «История Бактрийского царства греков». Например, он рассказывает об одной из серебряных тетрадрахм Евкратиды Великого, найденной в Прикаспии и оказавшейся, благодаря Я. Брюсу, в Санкт-Петербурге [1, р. 99–100, fig. 1].

Существует общепризнанное мнение о том, что греко-бактрийская нумизматика является вершиной медальерного искусства античного мира. Среди этих многочисленных эмиссий, ныне существующих в музейных и частных коллекциях, также следует выделить и крупнейшую монету в истории Древней Греции и Рима – 20 золотых статов греко-бактрийского царя Екратиды I Великого [2, р. 202, pl. 16, ser. 4/25]. Знаменитый Амударьинский клад изобилует монетами с портретами греко-бактрийских монархов. В работе Ф. Холта рассказывается о кладе греко-бактрийских и индо-греческих монет, состоящем примерно из 550 000 единиц, найденном на севере Афганистана [3, р. 141, fig. 19]. На сегодняшний день эта находка золотых, серебряных, бронзовых монет является крупнейшей среди кладов, содержащих подобные нумизматические памятники Древнего мира.

Наряду с античными литературными источниками, именно нумизматика как источник при изучении культурных реалий позволила ученым Нового времени начать изучение культуры эллинистической Бактрии. В ходе этого исследовательского поиска, продолженного интеллектуалами последующих столетий, происходило переосмысление культурных процессов эпохи, начавшейся с Александра Македонского. В XIX в., в эпоху расцвета европейского колониализма в Азии и Африке, основоположник науки об эллинизме И. Г. Дройзен пишет, что два века противостояния державы Ахеменидов с эллинами закончились не только завоеваниями Александра, но и «распространением греческого господства и образованности среди отживших культурных народов, то есть началом эллинизма» [4, с. 7].

Начало XX в. – заря Новейшей истории, время Первой мировой войны, эпоха начала крушения европейских империй – давало новую почву для размышлений. Тонко чувствующий культурные парадигмы не только древности, но

и современности российский ученый польского происхождения Ф. Ф. Зелинский в своей работе об античной культуре размышляет об «огромной культурной роли» бактрийских городов, основанных Александром, например, афганских Кандагара и Герата. При этом его вывод об одностороннем влиянии греческой культуры на цивилизации Центральной Азии и Индии не столь однозначен, как у И. Г. Дройзена. Говоря об «эллино-индийском искусстве», без сомнения, опираясь, в том числе на многочисленные греко-бактрийские и индо-греческие монетные эмиссии, он касается темы влияния эллинизма на буддизм. Он пишет, «так как впоследствии началась культурная миссия буддизма на Дальнем Востоке, то вместе с ней и названные семена эллинизма попали в эту струю, – в какой мере и с какой долей живучести, это покажут исследования будущего» [5, с. 200].

Со второй половины XX в., периода полного разрушения европейских империй, современная наука находит различные формы культурного синкретизма в данных регионах Старого Света. Исключительно европоцентристский взгляд на реалии эллинистической культуры сегодня заменен на более взвешенный. Ученые сегодняшнего дня часто идут от частного к общему, не поддаваясь соблазну схватить налету модные культурологические, антропологические, иные научные и околонучные теории и применить их на практике.

После Второй мировой войны, со второй половины XX в. для реконструкции культурных реалий эллинистической Бактрии сегодняшним ученым доступны археологические комплексы Ай Ханум, эллинистического полиса на Востоке, ТахтиСангин, храма Окса на берегах Амударьи, цитаделей Кампыр-Тепа, Курганзола, других поселений и укреплений того времени. При этом значение нумизматики не исчезло. Значительное количество современных исследований тому подтверждение.

В 1991 г. О. Бепеараччи открыл новую страницу в обобщении нумизматических источников, касающихся Бактрии и Индии эпохи эллинизма. Исследуя памятники и музеи Центральной Азии и Индии, он привлек и коллекции крупнейших собраний Великобритании, России и Франции [2, р. 7–10]. В 2012 г. Ф. Холт закончил свою сагу об истории изучения греко-бактрийской и индо-греческой нумизматики, в которой он отдает справедливое первое место в исследовании этого вопроса Ж. Фуа-Вайяну и Г. З. Байеру [3, р. 22].

Часто на монетах Греко-Бактрии встречаются образы эллинских богов и героев. В этой связи религиозная жизнь греков, прибывших из

Восточного Средиземноморья, не трансформировалась до неузнаваемости. Скорее, наоборот, ей были присущи, прежде всего, традиционные классические черты, сохранившиеся и частично трансформировавшиеся в эллинистический период. Так, уже у основателя первой греко-бактрийской династии Диодота I в качестве бога-покровителя, изображенного на многочисленных эмиссиях, мы встречаем шагающего и мечущего молнии Зевса [2, р. 147–150, pl. 1, ser. 1–7]. Образ Геракла был весьма популярен в период правления первых Евтидемидов: Евтидема I [2, р. 154–163, pl. 2–4, ser. 1–24] и Деметрия I [2, р. 164–166, pl. 4–5, ser. 1–4]. Евкратид I Великий в качестве покровителей избрал себе героических братьев Диоскуров [2, р. 199–216, pl. 16–21, ser. 1–12, 17–20]. В дальнейшем у греко-бактрийских и индо-греческих царей в качестве покровителей встречаются и другие греческие божества: Аполлон, Афина, Гелиос, Дионис, Ника, Посейдон, Тихэ.

Приверженность греко-бактрийской монархии олимпийской религии была, по-видимому, связана не только с сохранением духовных традиций предков, но и с политическими задачами. Сплоченность эллинистических колонистов, включая воинские контингенты, состоящие из наемников, требовала единодушия и, возможно, противопоставления себя местному населению. При этом нельзя забывать о легендарных преданиях, в которых греко-македонское население черпало идеологическую основу для пребывания в данных местностях. Ведь недаром уже во время похода Александра Великого стали складываться мифологемы о нем, превзошедших даже подвиги Геракла в этих странах, на вершинах Кавказа Индийского.

Царский культ Александра, как кажется, очень живо отразился в образе юного Геракла на монетах греко-бактрийского царя Деметрия I Непобедимого («Аникета»), который в первой половине II в. до н. э. смог осуществить масштабные завоевания в Индии [2, р. 164–166, pl. 4–5, ser. 1–3]. Любопытно, что в Ай Ханум была найдена бронзовая статуэтка, изображающая этого сына Зевса именно таким же образом, как на монетах Деметрия: безбородым, с палицей и шкурой в руках [6, с. 253–254, ил. 51]. Вероятнее всего, в представлении эллинов подвиги Геракла на Кавказе могли произойти в то время, когда он не достиг тех лет взросления, когда у мужчин начинает расти борода. Вряд ли это был случайный выбор Деметрия I, который предпочел этого эллинского героя остальным. По легендам, Геракл был предком Александра. Причем сам он мог воспринимать это обстоятельство как вполне реальное, что придавало этому македонскому царю дополнительных сил.

Развитие царского культа в Греко-Бактрии, а затем в индо-греческих царствах имело яркое воплощение в нумизматике. Один взгляд на коммеморативные (памятные) эмиссии царя Агафокла [2, р. 177–180, pl. 8, ser. 12–18] и царя Антимаха [2, р. 187, pl. 10, ser. 9–10] позволяет сделать вывод о возведении потомков Евтидема I к Диодоту I, основателю государственности, и его предшественникам, владыкам этих территорий: Селевкидам и Александру Великому. Такой подход к монетным чеканам был связан с политической борьбой и стремлением к легитимизации своей власти со стороны Агафокла и Антимаха. Ведь законность притязаний на престол в хаосе гражданской войны или перелома территорий всегда встает на первый план в виде идеологической основы любой власти. При этом имена Агафокла и Антимаха отсутствуют на страницах литературных античных произведений.

В классической литературе встречается драматический сюжет, заслуживающий внимания, по меньшей мере, Шекспира. И этот исторический эпизод имеет касательство к коммеморативным чеканам Греко-бактрийского царства.

Помпей Трог в переложении Юстина передает нам сведения о походах греко-бактрийского царя Евкратиды I [7, с. 223]. Исходя из нумизматических источников, он удостоился эпитета «Великий» («Μεγας»), уподобившись Александру Македонскому [2, р. 202–216, pl. 17–22, ser. 5–25]. За ним это прозвище укоренилось впоследствии. Это произошло, благодаря его преемникам, которые встали на защиту его политики и продолжили его дело.

Юстин рассказывает об убийстве Евкратиды. Это произошло после его Индийского похода и войны с «царем индов» Деметрием. Сын Евкратиды, убив и свергнув его с бактрийского престола, в знак презрения к личности и делам отца проехал по его трупу на колеснице [7, с. 223].

Об имени и дальнейшей судьбе этого сына Евкратиды литературная традиция умалчивает. При этом в нашем распоряжении есть интереснейшая коммеморативная эмиссия Гелиокла и Лаодики. На одной стороне этих чеканов изображаются их портреты и имена в родительном падеже, притяжательность которого означает принадлежность эмиссий к этим правителям. На другой присутствуют бюст Евкратиды с его именем и эпитетом «Великий» в именительном падеже. Это говорит о том, что не сам Евкратид, а в честь него чеканились монеты [2, р. 209–210, pl. 19–20, ser. 13–16]. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с использованием монетных эмиссий как средством политической пропаганды. Так как данные нумизматические памятники до

нас дошли в значительном объеме, можно предположить, что они были распространены среди большого процента населения Греко-Бактрии. Тем самым подданные, которые были лояльны к царю Евкратиду, понимали: кто является продолжателем его политического курса. В данном случае монеты работали подобно современным средствам массовой информации, распространяющим разного рода рекламную продукцию, в том числе, влияющую на общественное мнение.

Скорее всего, Лаодика в этих обстоятельствах была мать Гелиокла, законная супруга Евкратиды и царица Греко-бактрийского царства. Ее голова увенчана диадемой. Гелиокл, по-видимому, был ее сын и претендент на престол. На монетах коммеморативных эмиссий в честь Евкратиды на нем нет диадемы, признака царской власти. Со временем его власть укрепилась, и мы видим его многочисленные монеты, на которых он именуется царем, имеющим прозвище «Справедливый» («Дикайос») [2, p. 222–225, pl. 24–26, ser. 1–4]. Имя его конкурента на греко-бактрийский престол можно лишь предполагать. По малочисленным эмиссиям и изображению на них Гелиоса на колеснице среди многих царей этого региона выделяется Платон [2, p. 220–221, pl. 24, ser. 1–4]. Ведь именно на колеснице сын Евкратиды проехался по его трупу. Хотя это обстоятельство является слабым косвенным аргументом в пользу идентификации отцеубийцы.

Несмотря на то, что история гибели Евкратиды I Великого имеет краткое изложение в литературе и последующая историческая канва лишь реконструируется на уровне гипотезы, очевиден вывод о политической подоплеке коммеморативных эмиссий потомков Евтидема I и Евкратиды I.

Очень важен сюжет, касающийся валютных характеристик греко-бактрийских монет. Их вес и качество позволяют говорить о наличии аттического стандарта в Греко-Бактрии. Например, распространенная у эллинов серебряная драхма по этому стандарту весила около 4,32 г. При этом нельзя сказать, что эта денежная система была сопряжена только с контактами в Восточном Средиземноморье. Такая монетная стопа была распространена в эллинистическое время вплоть до Индии, включая территории Ближнего и Центрального Востока. В период позднего эллинизма индо-греческие правители, преемники греко-бактрийских династий Евтидемидов и Евкратидидов частично использовали и адаптировали аттическую монетную систему под индийские стандарты и реалии. Уже Евкратид I чеканил двуязычные монеты: с греческими и индийскими легендами. Меняется

форма и качество монет. Например, появляется квадратная форма драхм, эмиссии квадратных бронзовых монетных оттисков и новые весовые стандарты. Так, двуязычные серебряные монеты Евкратиды I имеют вес чуть более двух граммов и традиционную греческую круглую форму, а двуязычные бронзовые монеты имеют вес 2,45 г, 4,9 г, 9,8 г и традиционную индийскую квадратную форму [2, p. 210–216, pl. 20–22, ser. 17–25].

Высокое качество греко-бактрийской монетной чеканки вызывало даже подражания после падения власти эллинов в этом регионе, т. е. монеты изготавливались азиатскими правителями. Подобная тенденция была заложена еще самими греческими монархами, которые использовали похожие штампы и монетные дворы уже после смерти предыдущего царя. Таким образом, осуществлялись временные, а потом параллельные эмиссии до полной замены своими типами [8, с. 172].

Впоследствии средневековый арабский Восток взял на вооружение греческую драхму и превратил ее в дирхем, который стал важным финансовым евразийским явлением, затронувшим весь Арабский халифат от Бактрии до Пиренейского полуострова, а также многие европейские, африканские, азиатские государства и народы, включая Русь.

Таким образом, в нашем распоряжении есть многочисленные изображения на монетах, говорящие о вооружении и типах войск греко-бактрийской армии. Разумеется, на столь важных в политическом смысле изделиях, как монеты, изображали наиболее значимые виды вооруженных сил. Они касались или элитарных подразделений, или вносящих решающий вклад в победу.

Среди представителей элитных подразделений наиболее выделялись части, состоящие из представителей греко-македонской верхушки. Так часто встречаются изображения многочисленных всадников в полном эллинском доспехе. Это образы богов и царей.

Рассматриваемые конники имеют шлем, удобный для кавалериста, в виде каски или шишака, которые часто снабжаются плюмажем. Например, их можно увидеть на монетах Евкратиды I [2, p. 199–200, 202–209, 211–214, pl. 16–22, ser. 1–2, 4–8, 11–12, 19–21]. Их тела покрыты панцирем с прикрепленными к нему птеригами (защитой для ног). Прекрасным примером полного эллинского кавалерийского доспеха является образ царя на чеканах преемников греко-бактрийских монархов, индо-греческих правителей: царя Антимаха II Победоносного («Никефора») [2, p. 196, pl. 14–15, ser. 1], царя Менандра II Справедливого («Дикайоса») [2, p. 313, pl. 49, ser. 3],

царя Филоксе на Непобедимого («Аникета») [2, р. 288–293, pl. 43–44, ser. 1–9], царя Гиппостата Спасителя («Сотера») [2, р. 356–358, pl. 64–65, ser. 3–7].

Из наступательного вооружения следует выделить классические македонские длинные копья-сариссы, которые в руках Диоскуров уже встречаются на монетах Евкратиды I [2, р. 199–200, 202–209, 211–214, pl. 16–22, ser. 1–2, 4–8, 11–12, 19–21], или более короткие греческие копья, которые у всадника на монетах индо-греческих правителей I в. до н. э. Гермея и Каллиопа [2, р. 325, pl. 52, ser. 1–2], отдельно царя Гермея [2, р. 329, pl. 54, ser. 7–8]. Помимо этого на монетных изображениях последних встречается у них лук. Образы конных воинов, вооруженных обнаженным мечом, отсутствуют на монетных чеканах данного государства. Можно лишь предполагать наличие этого оружия у изображаемых персонажей. Было бы странно, если бы привилегированный воин не имел меча. Так у спешенных Диоскуров на монетных эмиссиях индо-греческого царя Диомеда Спасителя («Сотера») прекрасно видны мечи, на которые возложены руки братьев-героев [2, р. 297–298, pl. 45, ser. 8–10].

Полный доспех пехотинца с типично греко-македонским вооружением так же встречается на монетах, относящихся к индо-греческим правителям, восходящим к греко-бактрийским династиям. Образ царя в диадеме в панцире со щитом, копьем и мечом, идущего в поход мы встречаем на монетах Никия Спасителя («Сотера») [2, р. 311–312, pl. 49, ser. 2–3]. Похожий облик властителя, но дополненный беотийским шлемом, встречается на эмиссиях Агафоклеи и Стратона [2, р. 251, pl. 34, 1–2]. На чеканах с легендой царя Стратона I Спасителя и Справедливого («Сотера» и «Дикайоса») изображена богиня Афина в кирасе и беотийском шлеме с большим круглым щитом и длинной пикой [2, р. 260, pl. 36, ser. 22].

Один из самых излюбленных сюжетов на монетных эмиссиях греко-бактрийских царей и их преемников на Индостане – изображение слона. Часто его образ встречается в виде так называемого «слоновьего шлема», головного убора в виде скальпа этого животного. Со времени македонского царя Александра Великого этот вариант шлема стал популярен среди эллинистических владык, правивших в странах, где имеются эти четвероногие. Таким образом, он прижился у обладателей индийскими и африканскими землями. Например, это стало символом для египетских монархов. Широкая экспансия на Индийском полуострове связана с греко-бактрийским царем Деметром I, который

провозгласил свое новое прозвище на монетах: «Непобедимый» («Аникет»). Именно он увенчивает свою голову «слоновьим шлемом» [2, р. 164, pl. 4, ser. 1/3; р. 165, pl. 4, ser. 2/6; р. 165–166, pl. 5; р. 167, pl. 5, ser. 5/15]. Еще его отец, Евтидем I, обладал слонами для боевого применения, что известно по сведениям древнегреческого историка Полибия [9, с. 176]. Кроме «слоновьего шлема» становится популярным образ слона целиком или в виде его головы. Нам говорят об этом многочисленные серебряные и бронзовые эмиссии монет греко-бактрийских и индо-греческих царей: Антиалкида I, Антимаха I, Аполлодота I, Архебия I, Гелиокла II, Деметрия III, Евкратиды I, Епандра I, Зоила II, Лисия I, Менандра I [10, с. 90–95].

Нумизматика Греко-Бактрии не только является вершиной античного медальерного искусства, но и ценным источником по изучению культуры этого государства. Она содержит значительную информацию, которая часто отсутствует в письменных памятниках. Привлекая ее, наряду с археологическими данными, мы можем реконструировать религиозные воззрения эллинов, проживавших в Центральной Азии в эллинистическую эпоху: их приверженность олимпийским богам и развитие царского культа, столь популярного в этот период. Этот вид источника позволяет осветить некоторые тонкости политической культуры. Монеты – важнейший источник по изучению центральноазиатской финансовой системы времени эллинизма. Изображения на монетах позволяют восстановить многие сюжеты, касающиеся военного дела, наглядно представить особенности вооружения греко-бактрийской армии.

Особую культурную ценность представляют портреты и скульптурные изображения. Выразительность и мастерство исполнения – основные черты, присущие образам греко-бактрийских царей. С одной стороны, авторы бюстов создают героизированный облик полководцев и политиков, с другой – каждый из них имеет свои индивидуальные особенности, на котором мастер смог уловить характер человека, заметить каждую складку и морщинку на лица. Таким образом, здесь решались идейные задачи, и воплощался реальный облик.

В целом, бросая даже беглый взгляд на греко-бактрийские монеты, зрители невольно могут представить себе образы таких шедевров мировой культуры, как работы Лисиппа, Леохара, Праксителя и Скопаса. При этом данные памятники сами по себе имеют не только исключительную эстетическую функцию, но и несут огромную информацию как источник.

Список литературы

1. Bayer Th. S. *Historiaregni Graecorum Bactriani*. Petropoli: Typographia Academiae Scientiarum, 1738. 270 p.
2. Bopearachchi O. *Monnaigréco-bactrienneset indo-grecques: cat. raisonné*. Paris: Bibl. Nat., 1991. 459 p.
3. Holt F. L. *Lost World of the Golden King: in search of Ancient Afghanistan*. Berkeley; Los Angeles-London: Univ. of California Press, 2012. 368 p.
4. Дройзен И. Г. *История эллинизма: в 3 т. / отв. ред., вступ. ст. Э. Д. Фролова*. Санкт-Петербург: Наука: Ювента, 1997. Т. 1. 450 с.
5. Зелинский Ф. Ф. *История античной культуры*. 2-е изд. Санкт-Петербург: Марс, 1995. 384 с.
6. Пичикян И. Р. *Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды*. Москва: Наука, 1991. 350 с.
7. Юстин Марк Юниан. *Эпитома сочинений Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского; под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; коммент. К. В. Вержбицкого, М. М. Холода; вступ. ст. К. К. Зельина*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 493 с.
8. Смирнова Н. М. *Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из собрания Государственного Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика: Москва: Вост. лит., 2005. Вып. 17. С. 139–180*.
9. Полибий. *Всеобщая история: в 3 т. / пер., вступ. ст. и коммент. Ф. Г. Мищенко, отв. ред. и вступ. ст. А. Я. Тыжова* 2-е изд. Санкт-Петербург: Наука: Ювента, 1995. Т. 1. 496 с.
10. Банников А. В., Попов А. А. *Боевые слоны в Античности и в раннем Средневековье*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУКИ, 2013. 168 с.

References

1. Bayer Th. S. *Historiaregni Graecorum Bactriani*. Petropoli: Typographia Academiae Scientiarum, 1738. 270.
2. Bopearachchi O. *Monnaigréco-bactrienneset indo-grecques: cat. raisonné*. Paris: Bibl. Nat., 1991. 459.
3. Holt F. L. *Lost World of the Golden King: in search of Ancient Afghanistan*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 2012. 368.
4. Droysen J. G.; Frolov E. D. (ed., art.). *History of Hellenistic civilization: in 3 vols*. Saint Petersburg: Nauka: Yuventa, 1997. 1, 450 (in Russ.).
5. Zelinskiy F. F. *History of the Antique culture*. 2nd ed. Saint Petersburg: Mars, 1995. 384 (in Russ.).
6. Pichikyan I. R. *Culture of Bactria. Achaemenid and Hellenistic periods*. Moscow: Nauka, 1991. 350 (in Russ.).
7. Justinus Marcus Junianus; Dekonskii A. A. (transl.), Rizhskii M. I. (transl.), Grabar-Passek M. E. (ed.), Verzhbitskii K. V. (comment.), Kholod M. M. (comment.), Zelin K. K. (introd.). *The Epitome «Historiae Philippicae» by Pompeius Trogus*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Univ. Press, 2005. 493 (in Russ.).
8. Smirnova N. M. *Greco-Bactrian and Indo-Greek coins from the collection of the State Hermitage Museum. Numismatics and Epigraphy*. Moscow: Vost. lit., 2005. 17, 139–180 (in Russ.).
9. Polybius; Mishenko F. G. (transl., art., comment.); Tizhov A. Ya. (ed., art.). *Histories: in 3 vol*. 2nd ed. Saint Petersburg: Nauka: Yuventa, 1994. 1, 496 (in Russ.).
10. Bannikov A. V., Popov A. A. *War elephants in Antiquity and Early Middle Ages*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts, 2013. 168 (in Russ.).